

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	1
Ф. И. Успенскій. Огъды писцовыхъ книгъ въ Византіи. I—II	1
Ю. И. Трусманъ. О мѣстѣ Ледоваго побоища въ 1242 году	44
Бар. В. Р. Розенъ. Замѣтки о лѣтописи Аганія Манбиджоваго	47

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника	76
И. В. Помяловскій. Переписка между А. Беконъ и О. Миллеромъ	90
Д. Ф. Кобеко. Медаль въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Ю. Б. Ноерсена. С.-Пб. 1877—1883.	140
Н. И. Петровъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. С. Голубева. К. 1883.	148
В. В. Вауеръ. Louis XIV et Strasbourg. Par. A. Legrelle. P. 1883.	165
Д. Н. Анучинъ. Доисторическая археологія Кавказа	201
И. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской исторіографіи. VI.. . . .	237
В. П. III. Высшее женское образованіе въ Англіи	1
— Наша учебная литература (разборъ 3 книгъ)	30

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	1
И. В. Помяловскій. П. И. Аландскій (некрологъ)	18

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Müller. Questionum Naevianarum capita tria	1
И. И. Холоднякъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латыни	27

Редакторъ Л. Шайковъ.

(Вышла 1-го января).

вѣрна, что отчасти зависѣло, какъ мы уже замѣтили выше, отъ того, что авторъ не различалъ гражданскаго года отъ церковнаго.

4) Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія авторъ утверждаетъ, что П. Могила въ защитѣ православія противъ католиковъ и уніатовъ пользовался приемами и средствами противниковъ — мысль, совершенно вѣрная, но она не примѣнена ко всѣмъ фактамъ дѣятельности П. Могила, къ которымъ слѣдовало бы примѣнить ее. Мы уже замѣчали выше, что въ параллель римско-католическимъ монашескимъ орденамъ и П. Могила задумалъ было учрежденіе сплоченной корпораціи православныхъ монастырей: это вовсе опустилъ изъ виду г. Голубевъ. Равнымъ образомъ, имъ не указанъ опредѣленно тотъ типъ римско-католическихъ учебныхъ заведеній, который старался воспроизвести П. Могила въ своей Кіевской коллегіи. Вообще, у автора чувствуется недостатокъ тщательнаго и подробнаго изученія современнаго Могила римско-католичества, несомнѣнно отпечатлѣвшагося, такъ или иначе, на дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

Н. Петровъ.

Louis XIV et Strasbourg. Par A. Legrelle. 3-me edition. Paris. 1883.

Приобрѣтеніе Франціей верхняго и нижняго Эльзаса и затѣмъ Страсбурга въ XVII столѣтіи принадлежитъ до сихъ поръ къ числу такихъ историческихъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ невольно и безсознательно вліяетъ національная точка зрѣнія, придавая всякому изслѣдованію этого предмета полемическій характеръ. Можно сказать, что это приобрѣтеніе положило начало международному процессу между Германіей и Франціей, обсуждавшемуся, въ періоды слабости и взнеможенія обѣихъ сторонъ, въ безчисленныхъ юридическихъ и историческихъ сочиненіяхъ и разрѣшавшемуся, въ періоды силы и могущества одной изъ нихъ, кровопролитными битвами. Особенно съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Германіи, при подъемѣ національнаго самосознанія, вопросъ о присоединеніи Эльзаса и Страсбурга обсуждался съ затаенною злобою и ожесточеніемъ, которое высказывалось въ разныхъ сочиненіяхъ все рѣзче и рѣзче вплоть до катастрофы 1870 года ¹⁾. Даже такіе перворазрядные историки какъ Ранке и Дройзенъ, хотя и признаютъ, что постановленія Вестфаль-

¹⁾ Напримѣръ: Scherer, Verrath Strassburgs an Frankreich въ *Rammer's Histor. Taschenbuch* 1843 г.; *Adolf Schmidt*, Elsass und Lothringen. 1859.

скаго мира, по своей неопредѣленности, таили въ себѣ зародыши будущихъ войнъ на цѣлыя столѣтія ¹⁾, что это зло было естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ разрозненности Германіи, и что Людовикъ XIV, сознавая свою силу и могущество, воспользовался слабостью сосѣда для возвеличенія Франціи, — тѣмъ не менѣе, называютъ присоединеніе Эльзаса и Страсбурга актомъ неслыханнаго насилія ²⁾. Дройзенъ, такъ тщательно разбирающій всѣ политическіе мотивы дѣйствій великаго курфюрста, созидавшего, подобно Людовику XIV, свою монархію, объясняющій всѣ территоріальныя приобрѣтенія и дипломатическую изворотливость его съ точки зрѣнія высшихъ политическихъ соображеній и цѣлей, тѣмъ не менѣе прилагаетъ къ дѣйствіямъ Людовика XIV совершенно иной масштабъ.

Французскіе писатели слабо и бездоказательно отражали нападки и обвиненія своихъ противниковъ; иногда даже, по нерасположенію къ личности Людовика XIV и ко всей его системѣ, давали имъ въ руки новыя орудія и доказательства, подкрѣплявшія справедливость ихъ точки зрѣнія ³⁾.

Одна изъ причинъ такой полемики и отсутствія въ этомъ вопросѣ строгой исторической критики заключается, безспорно, помимо національныхъ симпатій и антипатій, въ недостаточной и неполной разработкѣ матеріала, хранящагося во французскихъ архивахъ, сравнительно съ разработкою вопроса по архивамъ нѣмецкимъ. По этой причинѣ, появившійся въ 1883 году третьимъ изданіемъ трудъ г. Легрелля будетъ, безъ сомнѣнія, съ радостью привѣтствованъ историками, какъ сочиненіе, пополняющее существующій пробѣлъ въ исторіи второй половины XVII столѣтія драгоценными документами, проливающими свѣтъ на не вполне ясное отношеніе французскаго правительства къ приобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ по Вестфальскому миру.

Уже въ 1878 году г. Легрелль издалъ небольшое изслѣдованіе

¹⁾ «Einen Frieden von grösserem Unheil-schwangeren hat Deutschland nie geschlossen». *Ranke*, *Französ. Gesch.*, III (2 Auflage), p. 455. «Es war albern, statt der eigenen Ohnmacht die Gewissenlosigkeit des stolzen Gegners anzuklagen, als hätte man dessen Moral zu verantworten». *Droysen*, *Gesch. d. preuss. Politik*, III, 3, pag. 726.

²⁾ «Eine Vergewaltigung—wie es noch nie erfahren». *Ranke*, 475.

³⁾ Напримеръ, сочиненіе *Coste*, *Reunion de Strasbourg à la France*, 1841. Это единственное сочиненіе, представляющее хотя нѣкоторый архивный матеріалъ, но, какъ говоритъ *Ranke* (p. 464),—doch nicht eigentlich das, was man zu wissen begehrt.

о томъ же вопросѣ, въ которомъ старался опредѣлить права Франціи на Страсбургъ на основаніи постановленій 1648 г. и доказать неосновательность установившагося мнѣнія о подкупѣ страсбургскихъ властей со стороны Лувуа и Лудовика XIV. Углубляясь съ тѣхъ поръ все болѣе въ изученіе вопроса, не щадя трудовъ къ отысканію новыхъ матеріаловъ, г. Легрелль имѣлъ возможность, въ 1881 году, сдѣлать новое, дополненное изданіе своего перваго изслѣдованія и нынѣ представить ученому міру полную исторію присоединенія не только Страсбурга, но и всего нижняго и верхняго Эльзаса.

Для этой работы онъ воспользовался не тронутыми еще до сихъ поръ богатствами архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ и архива военнаго министерства (*dépôt de la guerre*), гдѣ сохраняется въ цѣлости и полнотѣ переписка Лувуа, отчасти только извѣстная до сихъ поръ историкамъ; не мало матеріаловъ найдено имъ также въ рукописномъ отдѣленіи національной бібліотеки и въ другихъ національныхъ архивахъ.

Г. Легрелль не ограничилъ впрочемъ своихъ поисковъ одною Франціею; онъ отыскалъ въ королевской бібліотекѣ въ Брюсселѣ цѣлый сборникъ писемъ (*relations véritables*) одного страсбургскаго обывателя, корреспондента Брюссельской газеты, описывавшаго почти день за днемъ событія въ городѣ до кануна занятія его Французами, 30-го сентября 1681 года. Въ бытность свою въ Москвѣ, г. Легрелль, получивъ при просвѣщенномъ содѣйствіи барона Ф. А. Булера доступъ въ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, думалъ найти въ статейныхъ спискахъ и посольскихъ дѣлахъ какіе-нибудь отзывы нашихъ пословъ объ этомъ событіи, столь сильно поразившемъ германскія государства; поиски его, однако, остались тщетными: Бутурлинъ и Чаадаевъ, находившіеся въ то время за-границей, вовсе не упоминаютъ объ этомъ событіи, а Потемкинъ отмѣчаетъ занятіе Страсбурга только нѣсколькими словами, не придавая ему, по видимому, никакого значенія ¹⁾.

Страсбургскіе архивы, которые могли бы, по видимому, представить автору самый богатый матеріалъ для его изслѣдованія, оказались для него недоступными; однако обстоятельство это не повліяло неблагоприятно на его трудъ. Городскіе страсбургскіе архивы, какъ извѣстно, весьма неполны; отдѣлы, касающіеся событій 1681 г., погбли невозвратно для науки; они сгорѣли въ 1686 году; остальные

¹⁾ См. Памятники дипломатическихъ сношеній, V.

отдѣлы пострадали не мало во время французской революціи; содержащіе же документовъ, спасенныхъ во время періодическихъ погромовъ, весьма подробно изложено въ „инвентарѣ“ [Inventaire détaillé], составленномъ по распоряженію правительства Наполеона III и продолжаемомъ въ настоящее время въ Страсбургѣ. Вся же переписка между страсбургскими властями и французскимъ правительствомъ сохраняется въ цѣлости въ архивахъ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, равно какъ и черновы^e отвѣты на всѣ письма и донесенія Mm. de Strasbourg.

Такимъ образомъ оказывается, что главный матеріалъ по этому вопросу находится въ настоящее время не въ Страсбургѣ, а въ Парижѣ, и что страсбургскіе архивы не могли бы, даже въ случаѣ доступности ихъ, существенно дополнить свѣдѣнія, почерпнутыя изъ парижскихъ. Располагая такимъ разнообразнымъ матеріаломъ, г. Легрелль представилъ въ книгѣ „Louis XIV et Strasbourg“ не только обстоятельное описаніе занятія Страсбурга и подготовительныхъ къ тому мѣръ, но и утвержденія Французовъ въ Эльзасѣ въ силу постановленій Мюнстерскаго договора, такъ что трудъ его является цѣльною и полною исторіей сношеній Эльзаса съ Франціей до окончательной инкорпорации французскою короною всей области между Вогезами и Рейномъ и до потери ея въ 1870 году.

Такая широкая постановка вопроса вытекала естественнымъ путемъ изъ основной мысли автора, что занятіе Страсбурга было только послѣднимъ звѣномъ въ цѣлой цѣпи событій, предшествовавшихъ Мюнстерскому миру и вытекавшихъ изъ постановленій его ¹⁾.

Никто, конечно, не будетъ оспаривать вѣрности и научности этой основной мысли; не соглашаться съ авторомъ можно развѣ только относительно развитія основнаго положенія и изложенія поводовъ и причинъ окончательной развязки. Въ этомъ отношеніи г. Легрелль, на нашъ взглядъ, слишкомъ выдвигаетъ впередъ юридическій моментъ предъ политическимъ, вслѣдствіе чего самъ часто впадаетъ въ противорѣчіе. Доказывая, напримѣръ (стр. 244 et passim), что Страсбургъ, принадлежа къ ландграфству Эльзасскому, тѣмъ самымъ долженъ былъ законнымъ путемъ подчиниться Франціи съ остальною областью, авторъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 705), сознается, что занятіе Людовикомъ XIV Страсбурга въ 1681 г. не можетъ быть оправ-

¹⁾ Нѣмецкіе публицисты смотрятъ также на этотъ вопросъ, но называютъ только занятіе Страсбурга: *«die Krone der Gewaltthaten Ludwigs d. XIV gegen das Elsass»*.

дываемо съ строгой точки зрѣнія международнаго права. Придерживаясь такой исключительно формальной, юридической оцѣнки фактовъ, пришлось бы признавать законными присоединенія нѣкоторыхъ мѣстечекъ, сдѣланныя высшими судами Брейсаха и Меца, на томъ основаніи, что на эти мѣстечки нѣкогда распространилась власть и право защиты Меровинговъ или Пипина Короткаго. Весь споръ между французскими и нѣмецкими историками, при обсужденіи этой эпохи, происходилъ и происходитъ изъ-за такого формальнаго обсужденія вопроса, при чемъ обѣ стороны стараются доказывать законность или незаконность приобрѣтенія на основаніи актовъ и договоровъ, признаваемыхъ самими же спорящими неясными, неточными, неопредѣленными, противорѣчивыми, дающихъ посему широкій просторъ субъективнымъ толкованіямъ, къ которымъ, за послѣднее время, сталъ еще примѣшиваться вопросъ о національности, весьма мало вліявшій на государственную жизнь въ XVII столѣтіи.

Территориальныя приобрѣтенія, дѣлаемыя въ силу династическихъ интересовъ и претензій, могутъ быть обсуждаемы на основаніи юридическихъ соображеній, но приобрѣтенія, дѣлаемыя путемъ завоеваній въ интересахъ государства, его безопасности, для достиженія естественныхъ границъ, въ силу, однимъ словомъ, вѣковой національной политики, могутъ быть оцѣниваемы при обсужденіи всего вопроса, не столько юридическими мотивами, опредѣляемыми договорами и трактатами, сколько политическими. Г. Легрель видимо сознавалъ ложность исключительно юридическаго обсужденія вопроса, но не могъ, однако, вполне отрѣшиться отъ него и потому оставался на нѣкоторыхъ вопросахъ гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, касаясь только вскользь другихъ весьма существенныхъ.

Характеристическая черта исторіи Франціи со второй половины XV столѣтія есть непрерывная борьба противъ могущественнаго испанско-габсбургскаго дома, окружавшаго Францію своими владѣніями, какъ на южной границѣ такъ и на востокѣ и сѣверовостокѣ. Съ Лудовика XI, положившаго начало объединенію государства подчиненіемъ феодаловъ коронѣ и уничтоженіемъ политической независимости крупныхъ феодаловъ, начинается оборотительная война противъ Габсбурговъ, продолжаемая его преемниками въ теченіе двухъ столѣтій съ небольшими перерывами во время религіозныхъ междоусобій и періодовъ регентства. Національная политика Франціи съ тѣхъ поръ была ясно опредѣлена и послѣдовательно приводилась въ исполненіе: ослабленіе Габсбургскаго дома, расширеніе во-

сточныхъ и южныхъ границъ своихъ, пріобрѣтеніе стратегическихъ пунктовъ для обороны противъ соперника и для обращенія по возможности оборонительнаго своего положенія въ наступательное. Эта политика создана была не геніальностью одного человѣка, а созидалась постепенно самою силою вещей; отклоненіе отъ нея было равносильно самоуничтоженію и потери самостоятельности. Исторія Франціи, начиная съ конца XV столѣтія не можетъ быть вѣрно понимаема и дѣятельность ея государственныхъ людей вѣрно оцѣниваема какъ только на основаніи этой политики; она освѣщаетъ какъ эпохи блеска и могущества Франціи, такъ и эпохи ея слабости и изнеможенія.

Могли ли такіе дѣятели какъ Ришелье, Мазарини, Лудовикъ XIV отклониться отъ этого пути, организовавъ Францію внутри и созидавъ ея могущество? Могли ли они не пользоваться слабостью соперника для достиженія цѣли? Взвѣсившая вѣроятіе успѣха, расчитывая свои силы, государственные люди Франціи осторожно и постепенно готовятъ ослабленіе Габсбургскаго дома и по мѣрѣ удачъ своихъ вмѣшиваются въ великую европейскую борьбу, сперва въ союзъ со Шведами, затѣмъ самостоятельно, пока наконецъ имъ удается захватить руководство во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ и предписать противникамъ и союзникамъ миръ сообразно интересамъ Франціи.

Вся дѣятельность Ришелье, Мазарини, Лудовика XIV была послѣдовательнымъ, систематическимъ возведеніемъ государственнаго зданія, основы котораго положены были еще въ XV вѣкѣ, и называть ихъ территоріальныя пріобрѣтенія „неслыханнымъ насилиемъ“ столь же несправедливо, какъ восхвалять геній и величіе курфюрста Фридриха-Вильгельма I или короля Фридриха II, созидавшихъ свою монархію тѣми же путемъ и тѣми же средствами. Эта національная политика Франціи, объясняющая всѣ завоеванія и пріобрѣтенія, составляющая основу ея государственнаго роста, по нашему мнѣнію, слишкомъ слабо обрисована въ почтенномъ трудѣ г. Легрелля, полномъ интереса и новизны. Мы желали бы найдти сопоставленными въ болѣе рельефномъ видѣ данныя, разбросанныя по сочиненію, о постепенномъ развитіи мысли у Ришелье и Мазарини относительно присоединенія Эльзаса, какъ результатъ ихъ послѣдовательной политики; мы желали бы найдти изложеніе не столько самыхъ неопредѣленныхъ постановленій Оснабрюскаго и Мюнстерскаго договоровъ и юридическихъ толкованій ихъ, сколько изложеніе причинъ этой неопредѣленности, вполнѣ понятной и естественной при тогдашней разрозненности Германіи и разно-

образѣ ея интересовъ. Тогда различное толкованіе параграфовъ договора разъяснилось бы само собою и сдѣлалось бы излишнимъ возобновлять юридическій споръ, который не приводилъ и не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ.

Подобно политическому и религиозный моментъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало выдвигается впередъ въ сочиненіи г. Легрелля; излишне доказывать, какое рѣшающее значеніе имѣли въ то время религиозныя соображенія, особенно въ Германіи, какое отчаяніе и страхъ возбуждалъ въ протестантскихъ земляхъ и городахъ всякій успѣхъ и расширеніе испанскаго могущества, съ которымъ нераздѣльно было представленіе о католической реакціи и инквизиціи. Самъ авторъ въ первой главѣ (стр. 33 и слѣд.) говоритъ объ увеличивающихся сношеніяхъ Страсбурга съ Франціей во времена реформаціонныхъ гоненій въ имперіи, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 90) прибавляетъ, что сама протестантская Германія утвердила господство Франціи въ Эльзасѣ.

Политическіе и религиозные мотивы, дѣйствовавшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Европѣ, господство и преобладаніе испанско-нѣмецкаго дома Габсбурговъ и негодованіе большинства государствъ противъ этого гнета — представляютъ историческій фонъ, на которомъ постепенно возвышается Франція, поддерживаемая недовольными элементами. Безъ этого совокупнаго представленія всѣхъ разнообразныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время, не возможно разсматривать какое-бы то ни было историческое явленіе XVII столѣтія, тѣмъ менѣе столь крупное какъ утвержденіе Франціи на лѣвомъ берегу Рейна. Отсутствіе этого историческаго фона мы считаемъ недостаткомъ въ сочиненіи г. Легрелля, который искушается, однако, сторицею богатствомъ новаго матеріала, имъ сообщаемого, и мы постараемся дать краткій отчетъ о добытыхъ имъ результатахъ, обрисовывающихъ дѣятельность Людовика XIV въ отношеніи Эльзаса и Страсбурга въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ рисовали намъ ее историки, опиравшіеся болѣе на нѣмецкихъ источникахъ.

Предпославъ, въ первой главѣ, краткій очеркъ исторіи Страсбурга со временъ учрежденія на берегахъ Илля римскаго поселенія до начала XVII столѣтія, авторъ, во второй главѣ, переходитъ къ описанію положенія Эльзаса во время Тридцатилѣтней войны.

Едва только Ришелье вступаетъ въ государственный совѣтъ (1624 г.) какъ тотчасъ же возобновляетъ вѣковую политику Французскихъ королей, прерванную печальною эпохою регентства Маріи Медичи и

господства временщиковъ. Не довѣряя еще своимъ силамъ, при постоянной борьбѣ съ внутренними врагами, онъ медленно и осторожно приближается къ своей цѣли. Сначала онъ является защитникомъ протестантовъ въ Валтелинѣ и Енгадинѣ, занятыхъ войсками Испанцевъ и эрцгерцога Леопольда Тирольскаго, чѣмъ разрываетъ непрерывность владѣній габсбургскихъ, окаймлявшихъ восточную границу Франціи отъ Италіи до Нѣмецкаго моря, и уничтожаетъ возможность легкаго передвиженія войскъ изъ сѣверной Италіи въ Германію и Нидерланды ¹⁾; въ 1627 г. онъ является защитникомъ правъ герцога Гонзага-Неверъ на мантуанское престолонаслѣдіе, чрезъ что приобретаетъ не только вліяніе въ сѣверной Италіи и вѣрнаго въ ней союзника, но и сильную крѣпость Пиньероль — на границахъ Савойи, господствующую надъ проходами въ сѣверную Италію. Въ 1631 г. Ришельё заключаетъ съ Густавомъ-Адольфомъ договоръ, по которому обязывается выплачивать ему ежегодную субсидію въ 400,000 талеровъ на войну противъ императора и поддержку протестантскихъ князей въ имперіи.

Ришельё, однимъ словомъ, стремится къ ослабленію Габсбургскаго дома, къ уничтоженію его вліянія въ Италіи, къ разрушенію непрерывной связи между его италіанскими владѣніями и Нидерландами, къ отстрапенію, помощью Шведовъ, всякихъ попытокъ, со стороны обѣихъ линій дома, утвердиться на среднемъ Рейнѣ. На Эльзасъ въ этотъ періодъ времени Ришельё еще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ: il ne le „signettait“ pas encore, какъ выражается онъ самъ про себя относительно другихъ приобретеній. Хотя въ мемуарахъ его и можно отыскать нѣсколько мѣстъ, гдѣ въ политическомъ воображеніи кардинала рисуется уже лѣвый берегъ Рейна какъ будущая граница Франціи, но этимъ неопредѣленнымъ, неяснымъ планамъ мы не можемъ придавать большаго значенія, такъ какъ эти мемуары написаны въ болѣе позднюю эпоху, а переписка, относящаяся къ этому именно времени, указываетъ на совершенно инныя намѣренія.

Отношенія Ришельё къ Эльзасу, преимущественно къ Страсбургу, до конца тридцатыхъ годовъ носили характеръ покровительства и протектората, конечно, не изъ-за особеннаго расположенія къ нимъ, а съ цѣлью удержать ихъ въ протестантской уніи, то-есть въ числѣ враговъ императора, и тѣмъ обеспечить свою границу отъ нашествія

¹⁾ Въ 1627 году, впрочемъ, Испанцы снова завладѣли Валтелиномъ.

праговъ. Переписка между министрами короля и страсбургскими властями продолжалась непрерывно (г. Леррелль помѣщаетъ въ приложеніи нѣсколько весьма интересныхъ документовъ, относящихся къ этому періоду—№№ 1—10—изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ: fond de France; постоянно отправлялись посольства и уполномоченные съ обѣихъ сторонъ; содержались дипломатическіе агенты—все съ тою же цѣлью: тѣснѣе скрѣпить связь противъ взаимнаго врага и поддержать Страсбургъ въ оппозиціи противъ императора, какъ на примѣръ, въ 1629 г. послѣ изданія знаменательнаго Restitutionsedict. Ришелье не оставлялъ Страсбургцевъ своими совѣтами, ссужалъ ихъ деньгами (стр. 77), предлагалъ имъ даже вооруженную помощь (стр. 63, 67), отъ которой, впрочемъ, Страсбургцы всегда отказывались подъ предлогомъ „bizarrerie des esprits dans leur conseil“ (стр. 67), подъ чѣмъ подразумѣвались, конечно, партіи императорская и испанская. Впрочемъ, подъ преданностью и благодарностью страсбургскихъ властей, причислявшихъ себя къ сторонникамъ „leurs de lis“, высказываемой въ весьма теплыхъ и униженныхъ выраженіяхъ, скрывался самый односторонній, локальный эгоизмъ и даже корыстолюбивый расчетъ маленькой республики; не высшіе общегерманскіе интересы, не чувство національнаго единства, которое новѣйшіе нѣмецкіе публицисты стараются навязать Страсбургцамъ, а исключительное желаніе сохранить свое республиканское самоуправленіе, протестантское вѣроученіе и полную независимость отъ кого бы то ни было руководило ихъ въ этомъ отношеніи. Они стояли въ XVII в. на той же самой точкѣ зрѣнія, какъ и въ 1458 году, когда отвѣчали императору Фридриху III, на его требованіе уплаты головної подати наравнѣ съ другими имперскими городами, непосредственно подчиненными ему и имперіи, что Страсбургъ *imperatorī homagium praestare non tenetur; Imperatori non tenetur ad tributum, sicut aliae Civitates (als gemeiniglich andere Reichstädte thun müssen); in expeditionibus romanis insigne suum prope Imperii aquilam gerere potest* ¹⁾).

Страсбургцы искусно охраняли свою независимость равно какъ отъ имперіалистовъ и Лотарингцевъ, такъ и отъ Шведовъ, покупая себѣ нейтралитетъ у враговъ и друзей и опираясь на сильную Францію, искренности которой, впрочемъ, также не довѣряли, при чемъ не упускали удобнаго случая, подъ предлогомъ защиты, распростра-

¹⁾ Cp. Chroniken der deutschen Städte. Strassburg, pag 6; *Knipschild—de juribus et privilegiis civitatum imperialium*. 1657.

нить свою территорію на счетъ близлежащихъ селъ и мѣстечекъ (стр. 104, 105). Когда послѣ Лейпцигской битвы Густавъ-Адольфъ явился на Майнъ и среднемъ Рейнѣ и явно обнаруживалъ намѣреніе утвердиться въ Эльзасѣ и Страсбургѣ, даже требовалъ отъ послѣдняго *sacramentum non subjectionis sed assecurationis tantum* (стр. 83), Ришельё, которому столь же нежелательно было видѣть на своихъ восточныхъ границахъ сильнаго Шведа, сколько и сильнаго Габсбурга, употребилъ всѣ дипломатическія пружины, чтобъ удержать Страсбургцевъ отъ подчиненія Шведамъ. Онъ послалъ въ Страсбургъ Ла-Гранжа для противодѣйствія шведскимъ проискамъ и старался воздѣйствовать на узкій республиканскій патріотизмъ членовъ совѣта, заклиная ихъ, какъ давнишнихъ союзниковъ французской короны, *de ne soumettre leurs murailles, leur État et l'autorité de leur république à autres qu' à eux-mêmes, directement ni indirectement* (стр. 82). Хотя Страсбургъ и долженъ былъ уступить требованіямъ Густава-Адольфа и впустить шведскія войска въ свои стѣны съ обязательствомъ ихъ содержанія, но *sacramentum* никакого не принесть, и Ришельё, примирившемуся съ фактомъ, оставалось только зорко слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Шведовъ.

Послѣ Люценской битвы и преждевременной смерти великаго полководца положеніе дѣлъ въ Европѣ внезапно измѣнилось; оно должно было естественно отразиться и на судьбѣ Эльзаса. Шведскія войска стали стягиваться въ Саксонію, и гарнизоны, расположенные около Страсбурга, были вызваны на берега Эльбы; западная Германія предоставлена была своимъ силамъ. А между тѣмъ уже съ юга придвигались испанскія войска подъ начальствомъ Миланскаго губернатора герцога Феріа чрезъ альпійскіе проходы у Борміо, чтобы чрезъ Боденское озеро и долину Рейна вторгнуться у Базеля въ Зундгау и Эльзасъ. Ришельё видѣлъ, слѣдовательно, приближеніе той же опасности, которую онъ предупреждалъ еще въ 1624 году внимательствомъ въ дѣла Валтелины и Граубиндена; Франціи снова угрожало очутиться въ желѣзномъ кольцѣ испанско-габсбургской силы отъ южныхъ границъ до Нидерландъ; ей угрожала опасность погибнуть въ междоусобныхъ войнахъ, поддерживаемыхъ близостью Испанцевъ. Ришельё повялъ, что медленностью и отсутствіемъ эвергін разомъ могутъ разрушиться всѣ его планы внутренней и ви́шней политики; поэтому онъ рѣшилъ быстрымъ занятіемъ Эльзаса, хотя бы только на время, предупредить возможность соединенія испанскихъ

вѣрныхъ армій съ сѣверными и попытаться на среднемъ Рейнѣ довершить то, что ему не удалось сдѣлать въ альпійскихъ проходахъ.

Исполненіе этого быстрого рѣшенія облегчено было Ришельё самими Нѣмцами. Смерть Густава-Адольфа, усиленіе императорской партіи встревожили весь протестантскій лагерь, а вѣсть о приближеніи испанской арміи въ самое сердце Германіи и будущее соединеніе ея съ императорскими войсками распространили повсемѣстно страхъ и отчаяніе. Герцогъ Виртембергскій и пфальцграфъ Цвейбрюкенскій посылали въ Парижъ просить короля объявить войну императору; курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ Людовика XIII prendre en main l'oeuvre de protection et de mediation qu'on réclamait de lui et à s'y porter avec une promptitude salutaire (стр. 89). Города на среднемъ Рейнѣ и въ Эльзасѣ, лишенные защиты по выходѣ шведскихъ гарнизоновъ, приглашали Французовъ занять мѣсто послѣднихъ и вскорѣ всѣ крѣпости и пункты, важные въ стратегическомъ отношеніи, добровольно и охотно стали открывать ворота свои для принятія французскихъ войскъ ¹⁾.

Одинъ Страсбургъ считалъ себя достаточно сильнымъ противъ всякаго врага—Лотарингцевъ и Габсбурговъ—и упорно отклонялъ всѣ предложенія французскихъ комиссаровъ, облекая свои отказы въ весьма учтивыя и почтительныя формы. Хотя, какъ говорить г. Легрелль (стр. 90),—сами протестанты призывали Французовъ въ Эльзасъ и утверждали тамъ ихъ власть, Ришельё, однако, въ то время еще далеко былъ отъ мысли обратитъ это временное занятіе въ полное господство, и несправедливо заподозривать въ лукавствѣ и неискренности его завѣренія на счетъ этого, какъ дѣлаютъ нѣкоторые нѣмецкіе историки. Въ Вѣнѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, повсюду посланники Людовика XIII въ 1633 и 1634 году повторяютъ одну и ту же мысль, что „le roi ne ferait point de difficulté de remettre les places qui avaient été mises en sa protection, quand par une paix générale le besoin de les garder serait cessé“ (стр. 108).

Мысли Ришельё были направлены въ ту пору въ другую сторону. Испанскіе Нидерланды и особенно Лотарингія представляли центръ всѣхъ крамоль французскихъ вельможъ, недовольныхъ новыми порядками, вводимыми кардиналомъ; дворы въ Нанси и Брюсселѣ составляли сборище всѣхъ политическихъ агитаторовъ; тамъ обсу-
ж-

¹⁾ Въ 1633 г. Французы вступили въ Ганау, Ландау, въ началѣ 1634—въ Гагенау, Цабертъ, Филлисбургъ, Монбельяръ, Шлетштадтъ, Колмаръ.

дались планы и рѣшались предпріятія въ связи съ обще-европейскою войною противъ Людовика XIII и его всемогущаго министра; тамъ искалъ убѣжища Гастонъ Орлеанскій, братъ короля; тамъ состоялась помолвка его съ Маргаритой, сестрой Карла Лотарингскаго; въ Брюсселѣ же нашла радушный пріемъ Марія Медичи, готовая накликать врага на своего сына и на всю Францію для удовлетворенія пустаго тщеславія и жажды мести.

Этотъ оплотъ оппозіціи, парализующій всякую дѣятельность, всѣ предпріятія и реформы внутри государства; этотъ центръ постоянныхъ опасностей и угрозъ со стороны Испаніи, необходимо было уничтожить быстрыми и энергическими мѣрами, до появленія герцога Ферія на среднемъ Рейнѣ и до усиленія численности испанско-габсбургскаго войска на границахъ Франціи. Потому въ 1633 г. король Людовикъ XIII, въ сопровожденіи кардинала и маршала Лафорса, подступивъ къ Нанси, принуждаетъ герцога Карла передать ему эту сильную крѣпость и затѣмъ утверждается въ Лотарингіи; въ томъ же году учреждается парламентъ въ Мецѣ, для прекращенія всякой связи трехъ епископствъ (Мецъ, Туль, Вердюнъ) съ имперіей и зависимости ихъ отъ имперскаго суда, и возобновляется въ Гейлброннѣ союзъ противъ Габсбурговъ не только со Шведами, но и съ четырьмя германскими округами (Швабіей, Франконіей, верхне-и нижне-рейнскимъ); а въ слѣдующемъ году Ришельё начинаетъ переговоры съ Генеральными Штатами относительно завоеванія и раздѣла Испанскихъ Нидерландовъ.

Такимъ образомъ все вниманіе, всѣ усилія Ришельё были направлены въ это время къ утвержденію французскаго господства въ Испанскихъ Нидерландахъ и Лотарингіи, о завоеваніи же Эльзаса онъ вовсе и не помышлялъ, смотря на временное занятіе его какъ на необходимое обезпеченіе своихъ границъ съ востока. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить переговоры, начатые уже въ 1634 году между французскими агентами и Бернгардомъ Веймарскимъ объ уступкѣ ему Эльзаса, переговоры, которые окончились въ октябрѣ 1635 г. признаніемъ за нимъ „le landgraviat d' Alsace, y compris le bailliage d' Haguenau pour en jouir sous le titre de Landgrave d' Alsace, avec tous les droits qui ont appartenu ci-devant à la maison d' Autriche dans le dit pays“ (стр. 111; Bibliothèque nationale, fonds français № 3737).

Франція хотѣла этимъ признаніемъ Эльзаса за Бернгардомъ, неприимимымъ врагомъ Габсбурговъ, лишившихъ его родовыхъ земель,

приобрѣсти себѣ „une perpétuelle barrière entre la France et ses ennemis“¹⁾). Поэтому французское правительство не только признавало за нимъ цѣлую область, но и гарантировало ему свою поддержку, обязуясь выплачивать ежегодно извѣстную субсидію²⁾ для содержанія войска. При переговорахъ по поводу этой передачи между членами Гейлброннскаго союза, французское правительство, повторяя прежнія свои завѣренія на счетъ Эльзаса, тщательно избѣгало разговоровъ о Лотарингіи, и два года спустя, Людовикъ XIII даже категорически заявилъ шведскому уполномоченному, что если Швеція желаетъ сохранить за собою занятую ею Померанію, то и онъ имѣетъ намѣреніе оставить за собою Лотарингію.

Естественно, что усилія и затраты французскаго правительства, платившаго членамъ протестантской уніи субсидіи и содержавшаго, кромѣ арміи Тюрена и Конде, все войско Бернгарда Веймарскаго, по мѣрѣ успѣшности результатовъ, должны были расширять какъ самыя планы Рিশелье, такъ и требованія его относительно вознагражденія. Уже съ 1638 года, со времени взятія Бернгардомъ Брейзаха, столь важнаго въ стратегическомъ отношеніи, и послѣ явно выказаннаго имъ нежеланія предоставить эту крѣпость Французамъ, Рিশелье сталъ недоувѣрять своему союзнику и подумывать о сохраненіи Эльзаса въ видѣ залога для болѣе выгодныхъ условій при будущихъ переговорахъ о мирѣ съ императоромъ. Мысль эта укрѣпилась въ немъ еще болѣе послѣ смерти Бернгарда (1639 г.), оставившаго духовное завѣщаніе³⁾, по которому онъ передавалъ, въ случаѣ отказа братьевъ своихъ (сторонниковъ Габсбурговъ съ 1635 г.), всѣ завоеванныя имъ мѣста и области—Франціи, до всеобщаго замиренія, послѣ чего они должны были быть возвращены имперіи. Случай помогъ и осуществить тотчасъ же эти планы; армія саксонская, лишенная своего вождя, готова была передаться тому, кто предложитъ ей болѣе выгодныя условія; Франція предупредила другихъ и, по выраженію Шерюеля⁴⁾, „acheta l'armée et ses conquêtes“; французское знамя развѣвалось стало надъ Брейзахомъ и другими городами, занятыми саксенъ-веймарскими войсками.

Мазарини имѣлъ на Эльзасъ уже болѣе опредѣленные виды; судя по его инструкціямъ и приказамъ, онъ смотрѣлъ на него не какъ

¹⁾ *Lettres de Richelieu. Avenel*, VI, 408—410.

²⁾ 5½ мил. ливровъ.

³⁾ *Bibliothèque nationale* № 3737, f. de France.

⁴⁾ *Introduction à la correspondance de Mazarin*.

часть ССХХІ, отд. 2.

на залогъ для будущихъ мирныхъ переговоровъ, но скорѣе какъ на справедливое вознагражденіе непомѣрныхъ десятилѣтнихъ усилій и затратъ Франціи, тѣмъ болѣе, что надежды на приобрѣтеніе Лотарингіи съ 1643 года все болѣе и болѣе уменьшались. „Quant à l'Alsace“, писалъ онъ Тюреню,—„je m' assure que vous la considérerez comme un pays qui n' appartient pas moins au Roi que la Champagne, et, par conséquent, que Vous ménagerez les provisions qui s'y trouvent avec tout l'ordre et toute l'économie possible“¹⁾).

Инструкціи, данныя отправленнымъ въ Мюнстеръ уполномоченнымъ французскимъ графомъ д'Аво (d' Avaux) и Сервиену (Servien de la Roche), настаиваютъ, какъ на крайнемъ минимумѣ требованій Франціи, на полной уступкѣ верхняго и нижняго Эльзаса вмѣстѣ съ Брейзахомъ, разумѣя подъ этимъ весь лѣвый берегъ средняго Рейна, какъ на естественную границу „de séparation à la France et à l'Allemagne“²⁾).

Въ постановленіяхъ Мюнстерскаго мира; состоявшагося наконецъ послѣ семилѣтнихъ сложныхъ переговоровъ 24-го октября 1648 г., четыре параграфа (73, 74, 79, 87) трактуютъ объ уступкѣ Эльзаса Франціи; неопредѣленность и неточность ихъ изложенія подавала и подаетъ, какъ мы уже говорили, поводъ къ безчисленнымъ юридическимъ пререканіямъ, не приводящимъ къ положительнымъ результатамъ. Тогда какъ по смыслу первыхъ трехъ параграфовъ не только императоръ и весь Габсбургскій домъ, но и имперія, отказываются отъ всякихъ правъ на Эльзасъ и передаютъ верховную власть (supremum dominium) всецѣло коронѣ Франціи, упраздняя всѣ прежніе законы и постановленія, противорѣчащія этой уступкѣ, 87-й параграфъ признаетъ за Франціей только весьма незначительную часть области, сохраняя большую въ неразрывной связи съ имперіей (in libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum) и отрицая надъ послѣдней всякую верховную власть короля Франціи³⁾).

¹⁾ Lettres de Mazarin, t. II, pag. 580.

²⁾ Ut cedat Galliae Alsatia inferior et superior, inclusis Sundgovia, Brisaco et Brisgovia, civitatibus sylvestribus *) cum omni causa omnique jure quo ante praesens bellum possidebantur à principibus domus Austriacae.

³⁾ *Laufenberg, Rheinfelden, Seckingen, Waldshut.*

⁴⁾ § 73. Imperator itemque Imperium cedunt omnibus juribus, proprietatibus, dominiis, possessionibus ac juris dictionibus quae hactenus sibi, Imperio ac familiae Austriacae competebant in oppidum Brisacum, Landgraviatum superioris et inferioris Alsatiae, Sundgoviam, Praefecturamque provincialem decem civitatum

Г. Дегрелль весьма обстоятельно занимается разборомъ этихъ параграфовъ и старается доказать отсутствіе всякаго противорѣчія и полную въ нихъ гармонію и послѣдовательность; онъ разсматриваетъ 87-й параграфъ какъ дополненіе лишь къ первымъ тремъ, дополненіе, которое касается подробностей, возлагая на Францію обязательство сохранить существовавшую уже прежде автономію въ этихъ городахъ и областяхъ, автономію, которой въ деклараціи придано громкое названіе *libertas et immedietas erga Imperium*.

Съ подобнымъ толкованіемъ текста нельзя, кажется, согласиться уже потому, что *supremum dominium*, признаваемое за Франціей, противорѣчитъ понятію *immedietatis erga Imperium Romanum*, такъ какъ—*Is tantum immediatus Imperii dicitur qui nullius alterius quam*

imperialium in Alsatia sitarum..... omnesque pagos et alia quaecumque jura, quae a dicta Praefectura dependent, eaque omnia et singula in Regem Christianissimum regnumque Galliarum transferunt,

§ 74. Itemque dictus Landgraviatus utriusque Alsatae et Sandgoviae, tum etiam Praefectura provincialis in dictas decem Civitates et loca dependentia, itemque omnes vassalli, landsassii, subditi, homines, castra, villae, arces, sylvae, forestae, auri, argenti aliorumque mineralium fodinae, flumina, rivi, pascua, omniaque jura, regalia et appertinentiae abque ulla reservatione cum omnimoda juris dictione et superioritate *supremo dominio* a modo in perpetuum at Regem Christianissimum Coronamque Galliae pertineant, et dictae Coronae incorporata intelligantur, abque Caesaris, Imperii domusque Austriacae vel cujuscumque alterius contradictione

§ 79. Ad majorem supradictarum cessionum et alienationum validitatem, Imperator et Imperium, vigore praesentis transactionis, expresse derogant omnibus et singulis praedecessorum Imperatorum Sanctique Imperii Romani decretis, constitutionibus, statutis et consuetudinibus, etiam juramento firmatis, aut in posterum firmandis, nominatimque Capitulationi Caesareae, quatenus alienatio omnimoda bonorum et jurium Imperii prohibetur

§ 87. Teneatur tamen Rex Christianissimus non solum episcopus Argentinensem et Basiliensem, cum civitate Argentinensi, sed etiam reliquos per utramque Alsatiam Romano Imperio immediate subjectos Ordines, Abbates, Abbatissam Monasterium Palatinos, Comites, Barones, nobilitatem, item praedictas decem civitates imperiales *in ea libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum*, qua hactenus gavisae sunt, relinquere: ita ut nullam ulterius in eo regiam superioritatem praetendere possit, sed iis juribus contentus maneat, quaecumque ad domum Austriacam spectabant, et per hunc pacificationis tractatum Coronae Galliae ceduntur. *Ita tamen ut praesenti hac declaratione nihil detractum intelligatur de eo omni supremi domini jure quod supra concessum est.*

Maiern, Acta pacis Westphalicae publica. Hannov., 1734. *Ghillany*, Diplomatisches Handbuch. 1855; I, 1.

Imperatoris jurisdictioni subjectus est—и слѣдовательно нельзя, было въ одно и то же время признавать верховную власть одного государя и высшую юрисдикцію другого.

Мы уже въ началѣ статьи высказали нашъ взглядъ по поводу этого спорнаго вопроса, утверждая, что при обсужденіи его, въ настоящее время, слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на историческую, чѣмъ юридическую сторону дѣла, то-есть, не столько заниматься разборомъ противорѣчій, сколько разъясненіемъ вообще причинъ возможности существованія ихъ въ международномъ актѣ.

Французскіе уполномоченные, графъ д'Аво и Сервиень, вели, какъ извѣстно, переговоры въ Мюнстерѣ съ императорскими уполномоченными: графомъ Траутмансдорфомъ—главнымъ комиссаромъ, графомъ Нассаускимъ и Исаакомъ Фолмаромъ, при посредничествѣ кардинала Фабіо Киджи и венеціанскаго посланника Контарено Переговоры эти, начавшіеся въ апрѣлѣ 1645 года, окончились лишь чрезъ годъ установленіемъ главныхъ основъ замиренія; императорскіе комиссары, въ виду необычайныхъ усилій французскаго оружія, должны были наконецъ согласиться на уступку Франціи всего Эльзаса съ Зундгау, то-есть, всего лѣваго берега Рейна, и крѣпостей Брейзаха и Филлипсбурга—на правомъ берегу: *Ita defugere non poterant Caesarei quin totam Alsatiam annuerent*, говоритъ Пуффендорфъ ¹⁾. 17-го сентября 1646 года графъ д'Аво торжественно доносилъ регентшѣ-матери Аннѣ Австрійской, „*que Sa. Majesté avoit non seulement étendu les limites de la France jusqu' à ses plus anciennes bornes, mais encore acquis deux places très importantes sur le Rhin*“.

Впрочемъ главное затрудненіе, при обсужденіи этого вопроса, состояло не столько въ самой уступкѣ, которая уже была почти предрѣшена, сколько въ опредѣленіи будущихъ правъ Франціи на эту территорію. Передать ли Эльзасъ Франціи въ полную собственность или въ видѣ лена имперіи, какъ это было сдѣлано съ Помераніей, уступаемою Швеціи, что влекло за собою, естественно, участіе короля Французскаго, съ правомъ голоса на имперскихъ земскихъ собраніяхъ,—вотъ вопросъ, который въ теченіе лѣтъ 1646 года занималъ уполномоченныхъ. Наконецъ вѣковое соперничество Габсбурговъ, опасеніе и страхъ потерять окончательно вліяніе въ имперіи, при участіи могущественнаго монарха на рейхстагахъ, одержали верхъ, и *supremum dominium* Франціи было признано.

¹⁾ Der rebus Suecicis lib. 18, § 74.

Но этимъ соглашеніемъ съ императоромъ дѣло еще не кончалось. По германскому уложенію, верховная власть (*Imperium*) принадлежала императору въ совокупности съ имперскими сословіями (*Reichstände*), и по сему необходимо было, для окончательнаго рѣшенія дѣла, получить на подобную территориальную уступку еще согласіе представителей сословій, находившихся въ Мюнстерѣ же; необходимо было вступить въ переговоры съ элементами, всегда противодѣйствовавшими императору, съ элементами, которыхъ, какъ показывалъ опытъ, никогда нельзя было привести къ единодушію, вслѣдствіе разнообразныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ.

Какъ территориальные владѣтели, такъ и имперскіе города Эльзаса, устрашались мысли войти въ составъ государства, въ которомъ господствовала полная централизація, гдѣ не было мѣста ни ихъ сословной, ни ихъ общинной автономіи, и гдѣ они должны были исчезнуть какъ атомы въ огромномъ политическомъ организмѣ. Для ихъ мелкихъ локальных интересовъ выгодиѣе было оставаться членами имперіи, что не влекло за собою никакихъ стѣсненій и жертвъ и предоставляло ихъ самимъ себѣ. Не чувство національности, не высшія побужденія руководили представителями сословій, а исключительно соображенія практическаго свойства. Страсбургскія власти, на примѣръ, отправляя уполномоченныхъ въ Мюнстеръ, просили Мазарини *de vouloir bien faire recommander les intérêts de leur ville à mm. les plénipotentiaires de France* ¹⁾, а интересы эти, по ихъ же собственнымъ словамъ, заключались въ сохраненіи трехъ церквей, въ признаніи за ними различныхъ участковъ, предоставленныхъ Страсбургу Швеціей, и въ подобныхъ матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ ²⁾. Представители Эльзаса требовали, вопреки желанію императора, чтобы связь Эльзаса съ имперіей не была разрушена, чтобы король Франціи, какъ ландграфъ Эльзаса, имѣлъ голосъ на имперскихъ рейхстагахъ, и чтобы выраженіе *supremum dominium* было уничтожено въ договорѣ.

Не смотря на завѣренія д'Аво и Сервіена, что король гарантируетъ имъ всѣ права и привилегіи, представители сословій стояли на своемъ и переговоры не подвигались впередъ до конца 1647 года. Наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій императорскихъ комиссаровъ придти къ соглашенію, а съ другой стороны, вслѣдствіе

¹⁾ Lettre à Mazarin du 11 mars 1645. Archives des affaires étrangères.

²⁾ Страсбургцы писали своимъ агентамъ отъ 12-го апрѣля 1646 года, чтобы il soit obvié et pourvu à la sûreté et conservation de tous nos droits, privilèges, immunités et possessions. (Archives des affaires étrangères).

желанія самихъ сословій выйдти изъ заколдованнаго круга пререканій и протестовъ и вслѣдствіе желанія французскаго правительства покончить скорѣе дѣло, въ виду начинающагося броженія во Франціи (фронда)—прибѣгли къ мѣрѣ, обыкновенно практиковавшейся въ имперіи. Желанія и условія сословныхъ уполномоченныхъ были формулированы въ особенномъ параграфѣ (87), редакція котораго была только по внѣшней формѣ, а не по существу, согласована съ принятыми императоромъ, уже въ сентябрѣ 1646 г., условіями (73, 74, 79) и въ видѣ деклараціи включены въ *instrumentum pacis*.

Такой исходъ имѣли обыкновенно съ XV вѣка всѣ веденные переговоры на рейхстагахъ въ имперіи, на которыхъ нельзя было никогда достигнуть соглашенія и единодушія, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ интересовъ, и на которыхъ обыкновенно путемъ компромиссовъ и тщательною редакціей, обходившею всѣ существенныя разногласія, составлялся окончательный актъ (*Reichsabschied*), исполнение или не исполнение котораго зависѣло отъ времени, обстоятельствъ и силы вещей и весьма часто отъ преобладанія той или другой партіи. Такъ было, напримѣръ, въ Аугсбургѣ въ 1555 году, когда, такъ искренно и горячо хлопотавшій о религіозномъ мирѣ, Римскій король Фердинандъ I могъ достигъ заключенія его только присоединеніемъ къ каждому параграфу нѣсколькихъ декларацій, исключавшихъ и парализирующихъ другъ друга, предоставляя времени и обстоятельствамъ успокоить страсти и самой жизни выработать *modus vivendi* между религіозно-политическими партіями.

Какъ въ 1555 году, такъ и въ 1647, уполномоченные императора и имперіи вносили въ международный актъ, лишь бы покончить дѣло, заведомо противорѣчивыя постановленія, сознавая, что въ нихъ таятся зародыши новыхъ столкновеній и предоставляя времени и преобладанію одной изъ сторонъ истолкованіе этихъ противорѣчій. Посему на параграфы 73, 74, 79 и 87 мы не должны смотрѣть какъ на части одного договора, заключеннаго между двумя государствами, а скорѣе какъ на части двухъ различныхъ договоровъ— между Франціей и императоромъ и между Франціей и имперіей— сопоставленныхъ только въ одномъ и томъ же актѣ. Самое мѣсто, занимаемое 87-мъ параграфомъ въ ряду всѣхъ прочихъ, доказываетъ справедливость нашего взгляда. §§ 73 и 74 трактуютъ объ инкорпораціи Эльзаса Франціи; § 75—о сохраненіи католическаго культа въ странѣ; § 76—о содержаніи французскихъ гарнизоновъ въ Филипсбургѣ; § 77—о правахъ Шпейерскаго епископа на Филипсбургъ; § 78—объ

особомъ актѣ утвержденія Эльзаса за Франціей обѣими линіями Габсбурговъ; § 79—объ упраздненіи всѣхъ имперскихъ актовъ, противорѣчащихъ этой уступкѣ; затѣмъ §§ 80—86 трактуютъ о разныхъ формальностяхъ, денежныхъ вознагражденіяхъ, уплатахъ долга, возвращеніяхъ отнятыхъ земель, однимъ словомъ—о подробностяхъ, вытекавшихъ изъ основныхъ положеній, и вдругъ въ заключеніе этихъ деталей и предъ постановленіями объ италіанскихъ дѣлахъ является § 87 (называемый деклараціей), по важности содержанія своего при-мыкающей не къ второстепеннымъ вопросамъ, а непосредственно къ §§ 73 и 74. Очевидно, что императорскіе комиссары самымъ рас-положеніемъ параграфовъ въ упомянутомъ порядкѣ хотѣли обозна-чить, что не придаютъ § 87-му особеннаго значенія, а включаютъ въ актъ декларацію сословій лишь для того, чтобъ успокоить ихъ и довести дѣло до конца.

И французскіе уполномоченные не воспротивились включенію этого параграфа въ *instrumentum pacis*, настаивая только на присо-вокупленія фразы: „*Ita tamen ut praesenti hac declaratione nihil detractum intelligatur de eo omni supremi domini jure quod supra concessum est*“, которая парализовала основную мысль всего пара-графа и подтверждала постановленное уже въ §§ 73, 74 и 79. Кроме того, Сервіентъ, при обмѣнѣ ратификацій, 18-го февраля 1649 года, присоединилъ еще протестъ, которымъ всѣ деклараціи и объясненія къ договору объявлялись не имѣющими никакого значенія ¹⁾.

Такимъ образомъ при самомъ подписаніи и ратификаціи договора положено было уже начало пререканіямъ, продолжающимся до сихъ поръ и разрешаемымъ различно, смотря по тому, которой изъ двухъ частей договора дается преимущество.

Императорское правительство официально игнорировало вынуж-денную у нея декларацію и въ позднѣйшихъ актахъ, служившихъ какъ бы дополненіемъ къ Мюнстерскому договору, оставалось вѣр-нымъ смыслу первыхъ трехъ параграфовъ. Такъ напримѣръ, въ актѣ отъ 6-го ноября 1648 г. говорится объ этой уступкѣ Эльзаса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *ut omnes et singuli dictorum Episcopatum provinciarumque vassalli Regi Christianissimo homagia dicant, caeteraque omnia et singula praestent ad quae de jure aut consuetudine Imperio Romano tenebantur, id est mediate vel immediate*; и въ дру-

¹⁾ Archives des affaires étrangères.

говъ мѣстѣ: *supremum dominium juraque superioritatis imperialis allaque omnia quae imperio competebant, omni meliori modo, abque omni limitatione, restrictione, reservatione, etc.*

Параграфъ 61-й Пиринейскаго мира (1659 г.), по которому Испанскій король, какъ представитель старшей линіи Габсбурговъ, отказывался, согласно § 78 Мюнстерскаго договора, отъ правъ своихъ на Эльзасъ,—почти дословно повторяетъ параграфы 73-й и 74-й Мюнстерскаго договора и совершенно умалчиваетъ о 87-мъ.

Тѣмъ не менѣе, французское правительство не скрывало отъ себя возможности будущихъ затрудненій при приведеніи въ исполненіе Мюнстерскаго трактата, что выразилось отчасти уже въ протѣстѣ графа Сервіена, и утѣшалось мыслью, что осторожною и обдуманною политикою сопротивленіе Эльзасцевъ можетъ быть со временемъ преодоленно. Посему почти въ теченіе тридцати лѣтъ правительство, чувствуя свое шаткое положеніе въ странѣ, не принимало никакихъ энергическихъ мѣръ къ утвержденію въ ней своей власти, положивъ въ основу дѣйствій систему, рекомендованную г. Вотортомъ (Vautort) въ донесеніи Бриенню, систему „d'une extrême douceur, pour apprivoiser les esprits en laissant reposer le droit“.

Къ тому же начавшаяся въ 1648 году фрондская война, это послѣднее судорожное движеніе замиравшаго феодализма, сосредоточила все вниманіе правительства на болѣе важныхъ вопросахъ и отразилась весьма неблагопріятно на слияніи Эльзаса съ Франціей, угрожая даже полнымъ отпаденіемъ его.

Первый губернаторъ, назначенный правительствомъ въ Эльзасъ, графъ д'Аркуръ (*lieutenant-général en haute et basse Alsace, grand bailli de Haguenau*), родственникъ Лотарингскаго дома и одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ членовъ партіи „недовольныхъ“ (*malcontents*), замышлялъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ правительства и шаткостью отношеній Эльзаса къ коронѣ, устроить себѣ между Вогезами и Рейномъ самостоятельное княжество, хотя бы и въ ленной зависимости отъ имперіи. Онъ подстрекалъ гарнизоны въ Брейзахѣ и Филипсбургѣ къ возмущенію и поддерживалъ въ Эльзасахъ мысль о принадлежности къ имперіи; домогался голоса въ верхнерейнскомъ окружномъ собраніи (*Kreisverein*) и въ имперскомъ собраніи въ Регенсбургѣ; вступилъ даже въ переговоры съ Испаніей, выдавая этими дѣйствіями свое правительство и усиливая въ жителяхъ убѣжденіе, что, при слабости послѣдняго, они могутъ оказывать явное сопротивленіе. Хотя Мазарини и удалось отстранить

такого опаснаго и коварнаго слугу коронныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе вліяніе его и интриги продолжались долгое время и много труда и изворотливости ума стоило вновь назначенному (съ 1655 г.) интенданту провинціи Кольберъ-Круаси (Colbert-Croissy, братъ известнаго Jean-Baptiste Colbert) и новому губернатору (de la Meilleraue, duc de Mazarin, племянникъ кардинала) уничтожать вредныя послѣдствія честолюбивой политики д'Аркура. Собственно говоря только съ пріѣзда Кольбера (ноябрь 1655 г.) замѣчается нѣкоторая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства, послѣдовательность, отличающаяся все тѣмъ же характеромъ мягкости, уступчивости и снисходительности.

Г. Лэгрель представилъ въ своей книгѣ весьма полный и интересный сводъ всѣхъ донесеній, инструкцій, всей вообще переписки между центральнымъ правительствомъ и эльзасскими властями, которая знакомитъ насъ во всѣхъ подробностяхъ, съ одной стороны, съ трудностями и препятствіями, представлявшимися агентамъ правительства, съ другой—съ происками Австріи и съ узкимъ, локальнымъ и эгоистическимъ патриотизмомъ Эльзасцевъ.

Не смотря на постоянно повторяемія завѣренія правительства, что оно не намѣрено нарушать ни прежнихъ правъ, ни прежняго самоуправления, ни протестантскаго богослуженія, Эльзасцы—въ особенности нижняго Эльзаса—отстаивали, согласно § 87 Мюнстерскаго договора, свою *immedietas erga Imperium* и обращались постоянно съ жалобами къ имперскому суду въ Шпейерѣ (*Reichskammergericht*) или къ имперскому собранію въ Регенсбургѣ за различными разъясненіями Мюнстерскаго договора относительно правъ Франціи. Въѣсть съ тѣмъ, однако, они обращались и съ почтительными просьбами въ Парижъ объ отиѣвѣ тѣхъ или другихъ распоряженій касательно по датеи и налоговъ, въ особенности же касательно постоя и содержанія войскъ, доказывая этою двуличностью, что, въ сущности, стремленія ихъ направлены были лишь къ сохраненію локальной независимости какъ отъ имперіи, такъ и отъ Франціи. Императоръ и рейхстагъ съ своей стороны поддерживали такое настроеніе въ надеждѣ, при удобномъ случаѣ, воротить утраченное еще до укрѣпленія французскаго господства въ странѣ, тѣмъ болѣе, что примирительную систему Людовика XIV въ отношеніи къ Эльзасу объясняли робостью, боязнью и нерѣшительностью. Людовикъ даже заявлялъ въ Регенсбургѣ (1653 годъ), что онъ не отказывается, какъ было предлагаемо въ Мюнстерѣ, принять Эльзасъ въ видѣ лена имперіи, лишь бы покончить съ постоянными

пререкаціями и неудовольствіями; но такое предложеніе, естественно, не принималось императоромъ, опасавшимся за свою власть въ имперіи. Разсмотрѣніе дѣла затягивалось, по обыкновенію, откладывалось отъ одного засѣданія до другого, и нельзя было рассчитывать добиться этимъ путемъ благоприятнаго рѣшенія.

Убѣдившись въ нежеланіи императора честно исполнять принятыя однажды на себя обязательства, Лудовикъ старался заручиться расположеніемъ и дружбою нѣкоторыхъ членовъ имперіи, чтобъ имѣть въ нихъ опору противъ Габсбургскихъ происковъ, и вступилъ посему въ шведско-германскую „Рейнскую лигу“, направленную исключительно противъ испанско-австрійскаго дома. Между тѣмъ новый интендантъ Эльзаса, Кольберъ-Круаси, съ энергіей, выдержкой и послѣдовательностью, характеризующею обоихъ братьевъ, принялся за устройство и организацію администраціи страны, оставался притомъ вѣрнымъ основной политикѣ правительства, предпочитавшаго мягкость и снисходительность силѣ и крутымъ мѣрамъ. Прежде всего онъ приступилъ къ изученію, по сохранившимся документамъ и актамъ, всѣхъ правъ, принадлежавшихъ Австріи въ Эльзасѣ и уступленныхъ Франціи, правъ сложныхъ и равнообразныхъ, частью уже не существовавшихъ въ дѣйствительности и вполне неизвѣстныхъ французскому правительству; результатомъ этого изучения была записка, представленная имъ королю подъ заглавіемъ: „Mémoire concernant les pays cédés au Roi en Alsace“¹⁾, записка, послужившая исходною точкою дальнѣйшихъ его административныхъ мѣръ. Затѣмъ приступлено было къ организаціи судебной части въ странѣ для прекращенія связи съ имперіей и Шпейерскимъ камергерихтомъ и для поддержанія административной и судебной власти правительства въ странѣ. Въ 1657 г. была восстановлена, существовавшая съ 1431 г., судебная палата въ Диссгеймѣ подъ названіемъ conseil souverain d'Alsace²⁾, какъ учрежденіе вполне національное, сохранявшее и прежніе законы, и прежніе обычаи съ равноправностью обоихъ языковъ и съ равнымъ числомъ членовъ отъ обѣихъ національностей.

Указъ объ открытіи палаты (1658 годъ), подтверждавшій верховную власть французской короны надъ всѣмъ Эльзасомъ и предписывавшій обязательное обращеніе тяжущихся сторонъ съ апелляціями къ этому учрежденію, а не къ какому-либо иному, былъ первымъ

¹⁾ Dépôt de la Guerre.

²⁾ Въ 1674 году переведена была въ Брейзахъ.

официальнымъ актомъ, высказывавшимъ категорически взглядъ правительства на 73-й, 74-й и 79-й параграфы Мюнстерскаго договора. Судебная палата предписала генеральному прокурору и его товарищу посѣтить всѣ города Эльзаса и объявить властямъ о такомъ указѣ палаты, требуя повсемѣстной записи его въ протоколы и присяги въ исполненіи его. Такое требованіе правительства встрѣчено было не вездѣ съ покорностью; нѣкоторые города, гдѣ преобладалъ или господствовалъ исключительно кальвинистскій элементъ, особенно Кольмаръ—выступили съ протестами противъ подчиненія новой палатѣ, нарушавшаго, будто бы, ихъ привилегіи и *immedietas erga Imperium*, и просили отсрочки присяги до разъясненія спора Швейерскимъ имперскимъ судомъ или рейхстагомъ, какъ спора, вытекавшаго изъ различнаго толкованія Мюнстерскаго *instrumentum pacis*. Подобную же оппозицію, но еще въ гораздо большихъ размѣрахъ, встрѣтили Кольберъ и вновь назначенный губернаторъ [de la Meilleraye, duc de Mazarin], потребовавъ въ 1661 году отъ городовъ присягу вѣрности (*homagium—juramentum fidelitatis*), для утвержденія новыми патентами cadaго изъ нихъ, какъ во владѣніи землею, такъ и въ правахъ и привилегіяхъ. Долго длились переговоры съ представителями городовъ, собравшимися въ Гагенау, относительно редакціи текста присяги и не приводили къ желаемому соглашенію; юридическими софизмами и тонкостями старались они избѣгнуть всякой присяги, доказывая совершенное излишество ея при исключительномъ правѣ протектората Франціи надъ ними, такъ какъ *fidelitatis juramentum non de necessitate et substantia juris protectionis et clintelae esse*. Кольберъ и Мазарини, которымъ, при этихъ пререканіяхъ, случалось даже выслушивать весьма оскорбительныя для королевской власти выраженія, уже приходили къ убѣжденію въ необходимости употребить силу, но письма государственнаго секретари Вріенна постоянно повторяли одно и то же предписаніе, что „*les sentiments du roi étoient d'établir son autorité dans les dites villes avec douceur et de ne point donner sujet aux états voisins d'entrer en défiance de ses desseins*“. Оставалось послѣ этого только одно средство: прибѣгнуть къ извѣстному *divide et impera*. Мазарини дѣйствительно рѣшился „*séparer les villes, espérant par là les attirer ensuite, ou toutes, ou partie d'elles, dans ses sentiments*“, что ему и удалось исполнѣ. Уже въ 1662 году города, кромѣ Кольмара и Ландау, принесли требуемую присягу, въ которой, впрочемъ, по возможности исключены были всѣ спорныя слова и выраженія; не присягнувшіе же го-

рода обратились, по обыкновению, къ третейскому суду имперіи, на что Лудовикъ далъ свое согласіе, хотя и предвидѣлъ совершенную бесплодность такой мѣры.

При такихъ условіяхъ медленно водворалась власть короля въ ново-возвоеванной провинціи; съ одной стороны, нерѣшительность правительства, избѣгавшаго крутыхъ мѣръ изъ опасенія возбудить новую войну, съ другой стороны—и интриги Испаніи и императора довели дѣло до того, что Регенсбургскій рейхстагъ, въ началѣ Голландской войны, ободренный затруднительнымъ положеніемъ Лудовика XIV, дошелъ до полнаго отрицанія всякихъ правъ Франціи на Эльзасъ. Эльзасскіе города не стѣсняясь подавали аппеляціи въ Шпейрскій имперскій судъ, официальные акты издавались отъ имени „вольныхъ императорскихъ городовъ“ и отмѣчались годомъ вступленія императора на престолъ; подданнымъ запрещалось, подѣ страхомъ конфискаціи имущества, поступать на службу въ королевскую армію, между тѣмъ какъ императорскіе вербовщики безпрепятственно производили повсемѣстный наборъ; города обращались съ официальными просьбами о помощи къ императору, когда онъ, въ 1673 году, присоединился къ коалиціи противъ Франціи вмѣстѣ съ Испаніей, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и герцогомъ Лотарингскимъ, и когда армія Монтекукули расположилась на правомъ берегу Рейна. Конде, возмущенный такимъ успѣхомъ императорской политики, писалъ Лувуа: „je ne puis m'empêcher de Vous dire que l'autorité du roi se va perdant absolument dans l'Alsace et que les dix villes impériales sont presque ennemies“, и настаивалъ на необходимости быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Эти мѣры были наконецъ приняты: укрѣпленія десяти городовъ были, въ теченіе 1674 года, срыты въ присутствіи самого короля, и въ нихъ расположены французскіе гарнизоны. Декаполь съ тѣхъ поръ сдѣлался французскою областью.

Во время всего этого продолжительнаго процесса инкорпорации Франціей декаполя и ландграфства Эльзасскаго, отношенія Страсбурга, столицы всей провинціи, къ коронѣ Франціи оставались вполне неопредѣленными. Хотя Страсбургъ входилъ уже съ древнихъ временъ въ составъ ландграфства, но правительство остерегалось распространять дѣйствіе своихъ распоряженій на него и требовать ихъ исполненія. Какъ указъ объ учрежденіи верховной палаты въ Эвисгеймѣ, такъ и указъ о принесеніи присяги и объ утвержденіи новыми грамотами прежнихъ правъ и привилегій не коснулись Страсбурга, который подчинялся добровольно юрисдикціи верховной палаты

только тогда, когда ему это было выгодно, въ противномъ же случаѣ обращался попрежнему къ заступничеству имперіи.

Французское правительство тщательно избѣгало всѣхъ поводовъ къ ссорѣ, довольствуясь почтительными посланіями и завѣреніями „des très humbles et obéissants serviteurs de sa majesté“, и дѣлало видъ, будто не замѣчаетъ тайныхъ сношеній и постоянныхъ переговоровъ страсбургскихъ властей съ императоромъ и его агентами и тайнаго противодѣйствія всѣмъ планамъ Франціи, какъ это было, напримѣръ, по случаю избранія въ санъ епископа Страсбургскаго французскаго кандидата, графа Фюрстенберга. При малѣйшихъ затрудненіяхъ въ политической жизни Франціи, Страсбургцы явно выказывали свои симпатіи имперіи; при самыхъ незначительныхъ передвиженіяхъ войскъ и перевозкѣ артиллерійскихъ снарядовъ, какъ это было, напримѣръ, по случаю открывшейся въ 1667 г. революціонной войны, страсбургскія власти приходили въ смятеніе, опасаясь какихъ-нибудь замысловъ противъ себя, и тотчасъ обращались съ жалобами, протестами и просьбами къ имперіи, хотя въ другихъ случаяхъ отстаивали въ отношеніи къ ней свою самостоятельность, прикрываясь протекторатомъ Франціи и отказываясь, напримѣръ, посему принести присягу вѣрности новому императору Леопольду I (въ 1660 г.), посланному для сего въ Страсбургъ спеціального комиссара—графа Гапау. Однимъ словомъ политика Страсбургской республики оставалась по прежнему чисто локальною, чуждою всякой національности; ей желательно было зависѣть лишь отъ самой себя и, лавируя ловко между Сциллой и Харибдой—Франціей и Австріей,—спасти на возможно долгое время свою независимость.

Голландская война, начавшаяся въ 1672 году, должна была окончательно разрѣшить это тридцатилѣтнее неопредѣленное отношеніе Страсбурга въ Франціи, она должна была убѣдить наконецъ республику въ невозможности сохраненія своей самостоятельности между двумя сильными государствами. Сознавши опасное положеніе между двумя арміями, сосредоточенными на берегахъ верхняго Рейна, Страсбургъ добивался признанія своего нейтралитета со стороны воюющихъ сторонъ и получилъ на то согласіе Лудовика XIV; императоръ же Леопольдъ, не смотря на всѣ представленія сената, не допускалъ возможности нейтралитета и требовалъ точнаго исполненія „всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ имперіи“.

Хотя французскіе военачальники и доносили Лудовику XIV о необходимости занять Страсбургъ, король никакъ не соглашался на по-

добную мѣру и предписывалъ уважать дарованный нейтралитетъ во всей строгости; на всѣ представленія генераловъ, министры отвѣчали постоянно однимъ и тѣмъ же: „*Sa majesté désire que vous maintenez tout ce qui peut rester encore de neutralité à Strasbourg*“. Не смотря на то, что Конде въ самомъ началѣ войны и успѣлъ разрушить нѣсколько арокъ Кельскаго моста, сообщеніе между обонми берегами было скоро восстановлено и императорскія войска въ теченіе всей кампаніи проходили безпрепятственно взадъ и впередъ, сдѣлавъ Страсбургъ главнымъ центромъ своего интендантства, откуда снабжалась армія военными снарядами и жизненными припасами; тогда какъ Французамъ сепать запрещалъ переходъ чрезъ мостъ и отказывалъ въ разрѣшеніи покупать провіантъ.

На всѣ требованія французскаго правительства, обращенныя къ сенату, о разрушеніи моста, о соблюденіи договореннаго нейтралитета и о недопущеніи варушенія его, власти отвѣчали извиненіями или софистическими объясненіями, которыми правительство французское съ виду удовлетворялось, не желая прибѣгать къ силѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе убѣждалось въ невозможности сохранить за собою весь Эльзасъ, не имѣя въ рукахъ самаго ключа къ нему—убѣжденіе, которое коротко и ясно формулировано было резидентомъ Франціи въ Страсбургѣ, Лалуберомъ, въ разговорѣ съ однимъ членомъ совѣта XIII: „*le Rhin vous apprend votre véritable politique, puisqu'il vous sépare de l'Allemagne et vous laisse du côté du roi*“.

Наконецъ въ августѣ 1678 г. Страсбургъ принужденъ былъ официально отказаться отъ своего нейтралитета, столь односторонне имъ соблюдаемаго; онъ заключилъ капитуляцію съ герцогомъ Лотарингскимъ, принялъ императорское войско и вступилъ такимъ образомъ въ ряды враговъ Франціи.

Открывшіяся между тѣмъ конференціи къ Нимвегенѣ воспрепятствовали Франціи направить свои дѣйствія противъ Страсбурга. Осадное положеніе, въ которомъ находился Страсбургъ въ теченіе семи лѣтъ, огромные расходы, разорявшіе обывателей на содержаніе гарнизона и императорскихъ войскъ, находившихся тамъ почти постоянно на постоѣ, прекращеніе торговли и промышленности, наконецъ, суровое отношеніе императора къ республикѣ—все это увеличивало симпатіи къ Франціи и приводило постепенно благоразумныхъ Страсбургцевъ къ убѣжденію, что вопросъ о полномъ подчиненіи французской коронѣ есть только вопросъ времени. „*Il est incroyable*“—говорится въ одномъ донесеніи резидента—„*combien ils sont obligés de*

contribuer pour toutes les grandes dépenses sous prétexte de conserver leur liberté, et il y en a déjà beaucoup qui en sont rebutés, mais qui sont obligés détouffer leurs véritables sentiments, de peur d'être accablés par la populace". Потому понятно, что сенатъ, при открывшихся конференціяхъ въ Нимвегенѣ, просилъ Лудовика XIV принять ихъ уполномоченныхъ подъ свое покровительство и содѣйствовать имъ въ случаѣ „qu'il se passât quelque chose dans l'assemblée qui allât à la diminution de quelques—uns de leurs privilèges". Страсбургскія власти убѣждены были, что, подъ покровомъ Франціи, онѣ скорѣе спасутъ хотя обломки своей прежней свободы и прежняго самоуправленія, чѣмъ подъ покровомъ императора, который явно высказалъ намѣреніе потребовать отъ Страсбурга *homagium et juramentum fidelitatis* и не соглашался даже допускать на конгрессъ представителей сословій, желая вести переговоры одинъ, говоря: „qu'un état de l'Empire n'avait besoin nulle part d'une représentation particulière". Положеніе Лудовика XIV, при открывшихся въ 1677 г. официальныхъ переговорахъ въ Нимвегенѣ, было весьма выгодное; не смотря на то, что онъ велъ борьбу противъ всей почти Европы и не могъ быть, естественно, по всюду побѣдителемъ, не коалиція, а онъ предписалъ Европѣ основанія мира. Имѣя уже на своей сторонѣ Англію и Швецію, Лудовикъ умѣлъ разъединить союзниковъ и примириться съ ними въ отдѣльности, въ особенности же расположить къ себѣ Испанію и отвлечь ее такимъ образомъ отъ поддержки императорской политики. 10-го августа 1678 г. былъ подписанъ мирный договоръ между Франціей и Голландскою республикою; 17-го сентября—между Франціей и Испаніей, въ то время какъ съ императоромъ еще нельзя было достигъ соглашенія, и уполномоченные Леопольда, не смотря на изолированное его положеніе, никакъ не хотѣли сдаваться на требованія Франціи. Впрочемъ требованія эти не были чрезмѣрны; Лудовикъ XIV клалъ въ основу переговоровъ не *uti possidetis post bellum*, а лишь постановленія Мюнстерскаго договора. Въ отношеніи къ Эльзасу онъ сохранялъ по прежнему свою точку зрѣнія и требовалъ полного признанія его верховныхъ правъ и власти надъ всею провинціей, какъ было постановлено въ 1648 году, правъ, постоянно оспариваемыхъ у него императоромъ и даже теперь, на конгрессѣ, отрицаемыхъ его послами. При этихъ переговорахъ повторились обычные приемы и уловки уполномоченныхъ императора, приемы, практиковавшіеся въ Мюнстерѣ и уже гораздо ранѣе и состоявшіе въ стремленіи уничтожить дѣйствіе одного параграфа другимъ. Видя, однако, непреклонную волю французскихъ

пословъ сохранить въ полной силѣ вестфальскій договоръ и не впускаться даже въ пересмотръ верховныхъ правъ Франціи надъ всѣмъ Эльзасомъ, уполномоченные императора должны были, наконецъ, на это согласиться, но предложили присоединить, въ видѣ отдѣльнаго параграфа (8), декларацію (une clause) слѣдующаго содержанія: „une fois la paix conclue on conviendrait des moyens amiables pour terminer les différends de Sa majesté avec les villes d'Alsace“. Но и на включеніе этого примѣчанія, которое послужило бы поводомъ къ новымъ, безконечнымъ пререканіямъ, подобно § 87 мюнстерскаго договора, послы не давали своего согласія; они утверждали, что эти „différends“ обнаруживались только вслѣдствіе не исполненія постановленій 1648 г., что они прекратятся тотчасъ же, если отстранены будутъ всѣ подстрекательства и поводы къ тому, и угрожали, въ случаѣ включенія этой деклараціи въ договоръ „plutost de déchirer le traité au lieu de le signer“, такъ какъ король согласится скорѣе продолжать войну еще 20 лѣтъ, чѣмъ допустить параграфъ, подрывающій его верховную власть, пріобрѣтенную прежними трактатами. Уполномоченнымъ императора пришлось уступить и на этотъ разъ; договоръ былъ подписанъ 3-го февраля 1679 г. безъ включенія предположеннаго 8-го параграфа и безъ упоминанія о границахъ власти Франціи надъ Эльзасомъ. Но этимъ канцелярскія уловки германскихъ государственныхъ людей не прекратились. Въ тотъ же самый день составленъ былъ ими протестъ противъ только что подписаннаго международнаго акта, въ которомъ они снимали съ себя отвѣтственность въ опущеніи условій третейскаго суда касательно Эльзаса, побуждаемне, будто бы, къ такой уступкѣ желаніемъ не препятствовать заключенію мира столь всѣми желаемаго, приписывая всю вину настойчивости и несговорчивости французскихъ уполномоченныхъ. Этотъ протестъ былъ помѣщенъ тѣмъ же числомъ, 3-го февраля, и приложенъ къ официальному акту, какъ бы составляя неотъемлемую его часть.

Рейхстагъ въ Регенсбургѣ, которому въ этомъ видѣ и былъ представленъ договоръ для ратификаціи, принялъ его за нераздѣльный ктѣ и, утверждая его, присоединялъ со своей стороны просьбу къ императору, въ которой повторялись опять желанія и требованія Мюнстерской деклараціи (§ 87). „Sa Majesté Impériale est encore très humblement priée.... d'employer son zèle et des soins paternels.... afin que, comme on voit par les deux pièces qui ont été communiquées.... l'immédiateté des dits Etats qui leur a été confirmée par

la paix de Münster leur puisse être conservée sans lésion" ¹⁾). Такимъ образомъ и на этотъ разъ, какъ и въ 1648 году, императоръ и имперія, заключая договоръ, старались, путемъ присоединенія различныхъ пояснительныхъ декларацій и оговорокъ, сохранить за собою права на уступаемыя территории, съ тѣмъ чтобы, при удобномъ случаѣ, возвратить ихъ себѣ какъ законное достояніе.

Но Лудовикъ XIV, достигшій Нимвегенскимъ миромъ апогея славы и преобладанія въ Европѣ, не намѣренъ былъ на этотъ разъ дозволить Германіи оспаривать у него и отнимать плоды завоеваній. Онъ достигъ того что Германія, по крайней мѣрѣ официально, согласилась съ'его толкованіемъ Мюнстерскаго договора и признавала за нимъ весь Эльзасъ, включая и Страсбургъ. Теперь, слѣдовательно, насталъ моментъ подчиненія маленькой республики, съ которою обращались до тѣхъ поръ съ такою осторожностью и снисходительностью и которая сама стала убѣждаться, во время послѣдней войны, что ея самостоятельность посреди сильной монархіи есть пустая химера.

Впрочемъ подобная инкорпорация въ то время не была бы случаемъ чрезвычайнымъ и исключительнымъ: имперскій городъ Безансонъ, уступленный Испаніей Франціи вмѣстѣ съ Франшъ-Конте, подчинился безпрекословно новому своему государю; имперскій городъ Временъ еще въ 1654 году принужденъ былъ принести Шведскому королю присягу вѣрности и отказаться отъ мнимой *immedietas erga Imperium*; Брауншвейгъ въ 1671 году вошелъ въ составъ земскихъ городовъ герцоговъ Люнебургскихъ.

Уже въ 1679 году, какъ видно изъ сообщаемыхъ г. Легреллемъ документовъ, сталъ обдумываться планъ инкорпорации Страсбурга; путешествіе Лувуа по Эльзасу можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ подготовительныхъ мѣръ къ окончательной развязкѣ дѣла. Богатый матеріалъ, собранный г. Легреллемъ доказываетъ, какъ осмотрительно въ этомъ случаѣ дѣйствовало правительство, желая разрѣшить страсбургскій вопросъ по возможности миролюбиво; какъ оно постепенно суживало сферу территориальной власти республики, налагая, наравнѣ съ прочими мѣстами, подати на всѣ земли, принадлежавшія республикѣ *extra muros*; какъ оно, изолируя ее все болѣе отъ остальной провинціи, доводило жителей до сознанія соб-

¹⁾ Dépôt de la Guerre—донесеніе французскаго посла.

ственной слабости и невозможности сохраненія прежней локальной независимости.

Это сознаніе, еще слабо высказываемое во время Голландской войны, когда надежда на спасеніе автономіи поддерживалась присутствіемъ армій и когда во имя ея приносились неимоверныя жертвы — теперь все болѣе и болѣе стало проникать въ общественное мнѣніе и даже въ руководящія кружки патриціевъ, несмотря на то, что для послѣднихъ подчиненіе Франціи было равносильно потерѣ власти своей и господства. Патриціи не могли противодѣйствовать притягательной силѣ, оказываемой французскимъ языкомъ, литературой, утонченными правами Версаля, не могли задержать невольной и естественной ассимиляціи съ Франціей и развитія французскихъ симпатій по крайней мѣрѣ въ известномъ слоѣ общества. Къ тому же католическое населеніе всей провинціи и довольно значительный процентъ его въ Страсбургѣ, не говоря уже о членахъ епископскаго капитула и духовенства, стояли на сторонѣ Франціи и довольно открыто заявляли свои симпатіи къ ней. Французскіе агенты при иностранныхъ дворахъ Германіи доносили Лудовику XIV, что за Рейномъ всѣ говорятъ о томъ, что Эльзась, не исключая и Страсбурга, желаетъ зависѣть отъ короля лишь бы только онъ далъ общее завіреніе въ сохраненіи привилегій. Потому постановленія верховной палаты въ Брейзахѣ (*conseil supérieur et souverain d'Alsace*), изданныя вскорѣ по заключеніи Нимвегенскаго мира, въ августѣ 1680 г., не произвели особеннаго броженія въ странѣ и были приведены въ исполненіе при весьма слабомъ сопротивленіи. Постановленія эти, исходя изъ принципа верховной власти короля надъ всѣмъ Эльзасомъ, требовали присяги вѣрности отъ всего дворянства, какъ вассаловъ короны, и новаго утвержденія владѣній и привилегій королевскими патентами. Хотя въ указахъ палаты имя Страсбурга не упоминалось, но всѣ понимали, что онъ имѣлся въ виду при изданіи ихъ, и ожидали со дня на день распоряженій правительства объ инкорпораціи его. Лудовикъ XIV однако медлилъ и на этотъ разъ: онъ опасался сильной оппозиціи и приготавлился уже къ возможности продолжительной осады города.

Дальнѣйшія мѣропріятія короля, однако, ускорили катастрофу, подготавливавшуюся въ теченіе столькихъ лѣтъ самою силою вещей, и разрѣшили вопросъ гораздо проще и гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось. Эти мѣропріятія состояли въ учрежденіи уже въ октябрѣ 1679 года при Мецкой верховной палатѣ, а затѣмъ и при палатахъ

въ Безансонѣ, Турнѣ и Брейзахѣ, особыхъ комиссій (извѣстныхъ подъ названіемъ *chambres de réunion*) для точнаго изысканія и опредѣленія всѣхъ владѣній, духовныхъ и свѣтскихъ, входящихъ въ составъ ленновъ, уступленныхъ Франціи Испаніей и имперіей по Мюнстерскому и Нимвегенскому договорамъ. „Je prétends jouir de tout ce qui m'appartient en conséquence des traités de Münster et de Nimègue..... des tous les droits de ma Couronne“..... puisque à Nimègue „les Imperiaux se sont entièrement rendus à la juste interprétation que mes ambassadeurs ont donné au traité de Münster..... et qu'ils prétendent remettre aujourd'hui en question“ писалъ Лудовикъ XIV своему представителю въ Регенсбургѣ, доносившему ему о тревогѣ, произведенной въ имперіи присоединеніями.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указовъ, изданныхъ упомянутыми палатами, не только дворянство верхняго и нижняго Эльзаса, какъ выше было сказано, обязывалось принести ленную присягу королю; но и многіе иностранные государи, какъ напримѣръ король Швеціи, герцогъ Вюртембергскій, принцъ Вильгельмъ Оранскій, должны были признать Лудовика XIV своимъ сюзереномъ, какъ владѣтели ленновъ, уступленныхъ ему епископствъ и областей; король Швеціи по Цвейбрюкену, герцогъ Вюртембергскій по графству Montbelliard въ Франш-Конте, принцъ Оранскій по графству Chiny.

Положивъ въ основу своихъ разысканій весьма широкій принципъ, *chambres de réunion* включали въ списки, подлежащихъ занятію мѣстностей и обязанныхъ принести ленную присягу королю, между прочимъ и такія, которыя, въ моментъ заключенія Мюнстерскаго договора, уже не входили болѣе въ составъ ленныхъ владѣній того или другаго епископства или графства; такъ напримѣръ были заняты французскими войсками три города: Oberstein, Homburg и Bitsch, принадлежавшіе уже нѣсколько столѣтій архіепископу Трирскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что Пипинъ Короткій, приносявшій ихъ въ даръ церкви, сохранялъ за собою права высшаго покровителя и защитника. Подобнымъ образомъ приобрѣтенъ былъ и Луксембургъ. При такого рода присоединеніяхъ правительство руководилось, конечно, не столько историческими и юридическими соображеніями, сколько военными, желая воспользоваться случаемъ, чтобы приобрести укрѣпленные пункты, важные съ стратегической точки зрѣнія въ отношеніе къ герцогству Лотарингскому и Испанскимъ Нидерландамъ.

Г. Легрелль, говоря о „réunions“ въ Эльзасѣ, совершенно не упоминаетъ о присоединеніяхъ внѣ его, можетъ быть и потому, что въ

таковыхъ не могъ отыскать строго-юридическихъ основъ; а между тѣмъ онѣ-то болѣе чѣмъ что-либо другое распространили смутеніе и тревогу въ имперіи, подавъ поводъ къ страху, что Лудовикъ распространитъ свою власть и на правый берегъ Рейна. „J'entends dire par le public“, доносилъ отъ 22-го февраля 1681 г. посланникъ въ Вѣнѣ. — que si Votre Majesté ne poussait pas ses prétentions au delà du Rhin, on lui accorderait volontiers celles qu'Elle a déjà“, и отъ 21 мая — „qu'on comptait comme perdu pour l'Empire tout ce qui était au delà dans l'Alsace, et que même on était presque résolu de le céder à Votre Majesté, pourvu qu' Elle en voulût demeurer là et ne pas passer ce fleuve, (Legrelle, 507).

Обыкновенно безжизненный рейхстагъ въ Регенсбургѣ сталъ выказывать необыкновенную дѣятельность и представлять французскому резиденту протестъ за протестомъ; императоръ отправилъ чрезвычайнаго посла въ Парижъ для принесенія жалобъ отъ его имени и имени имперіи на неисполненіе мирныхъ договоровъ (l'inexécution du traité de paix) и на явное нарушеніе ихъ (contraventions à la paix); вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовалъ тайными путями для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Франціи и объявленія новой войны со стороны имперіи, разчитывая силами послѣдней удержать преобладаніе Франціи, такъ какъ самъ занятъ былъ въ родовыхъ земляхъ борьбою съ Венграми и Турками.

Французскіе уполномоченные и резиденты доносили королю о повсемѣстныхъ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, дѣлаемыхъ будто бы противъ Турціи, но направленныхъ въ дѣйствительности противъ него; въ Страсбургѣ прибылъ баронъ Мерси, посолъ императора (май 1681 г.), который велъ тайную пропаганду и въ самой республикѣ и въ прирейнскихъ областяхъ въ пользу вооруженія противъ Франціи. Резидентъ французскій, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что намѣреніе императора занять своими войсками (6 тысячъ) Страсбургъ, этотъ ключъ къ Эльзасу, не составляетъ уже болѣе никакой тайны и явно высказывается въ печати¹⁾; что Страсбургъ приводится въ оборонительное положеніе и готовится къ войнѣ.

О томъ же писалъ королю сторонникъ Франціи, братъ и coadjutor епископа Егона Фюрстенберга, Вильгельмъ, указывая ему на

¹⁾ Relations véritables — официальный органъ немецкихъ интересовъ въ Брюсселѣ.

угрожающую опасность, если императорскія войска успѣютъ занять городъ.

Лудовикъ рѣшился тогда дѣйствовать; желая только выиграть время до окончанія необходимыхъ приготовленій, онъ согласился наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій австрійскаго посла графа Мансфельда, на открытіе конференцій во Франкфуртѣ для разсмотрѣнія жалобъ и протестовъ, сознавая вполнѣ, что этимъ путемъ не достигнуто будетъ, по обыкновенію, никакого соглашенія.

Тѣмъ временемъ шли приготовленія къ занятію Страсбурга и, уже въ сентябрѣ, король писалъ своимъ уполномоченнымъ, что на мѣревается лично отправиться въ Страсбургъ для принятія присяги вѣрности, должной ему по договорамъ, разрѣшая имъ объявить объ этомъ правительствамъ, при которыхъ они аккредитованы.

На конференціяхъ Лудовикъ разчитывалъ на поддержку курфюрста Бранденбургскаго, который изъ боязни союза Франціи и Швеціи ¹⁾ и изъ ненависти къ Габсбургамъ, противодѣйствовавшимъ постоянно, между прочимъ и въ Нимвегенѣ, образованію „eines neuen Königreichs der Vandalen an der Ostsee“, уже въ 1679 году заключилъ съ Франціей дружественный договоръ, по которому, за извѣстную субсидію, обязался поддерживать интересы ея въ Германіи. Хотя переговоры во Франкфуртѣ открылись уже послѣ взятія Страсбурга (то есть, въ февралѣ 1682 г.) и затягиваясь до безконечности переведены были затѣмъ въ Регенсбургъ, гдѣ окончились лишь въ августѣ 1684 года извѣстнымъ 20-ти лѣтнимъ перемиріемъ ²⁾, тѣмъ не менѣе услуга, оказанная Франціи курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, была огромная. Онъ не только задержалъ вступленіе императорскихъ войскъ въ Эльзасъ, но и предупредилъ вообще новую разорительную европейскую войну, доказывая на конференціяхъ, вопреки подстрекательствамъ императора и воинственному настроенію Баваріи, Саксоніи, Швеціи и др., что благоразумнѣе, при настоящемъ положеніи имперіи, согласиться на признаніе за Францію уже ею приобрѣтеннаго, съ условіемъ, чтобы она этимъ удовлетворилась.

Являясь въ своемъ сочиненіи вообще весьма объективнымъ изслѣдователемъ, г. Легрелль, въ оцѣнкѣ дѣйствій великаго курфюрста въ отношеніи Франціи, къ сожалѣнію, отклонился на время отъ этой объективности и рисуетъ этого „деспота“, руководимаго только однимъ

¹⁾ Il redoutait cette union «comme la mort».

²⁾ Обращеннымъ въ постоянный миръ—въ Рисвикѣ 1697 году.

чувствомъ „жадности“ и „страстью къ пріобрѣтенію“, совершенно въ ложномъ свѣтѣ, забывая, что между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Лудвикомъ XIV весьма много сходства въ способахъ и пріемахъ ихъ къ созиданію государства.

Между тѣмъ какъ дипломатія старалась отвлечь отъ Страсбурга неминуемый ударъ, Лувуа, со свойственной ему обдуманностью и энергіею дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, сохраняя при томъ полнѣйшую тайну. Предполагая, что Страсбургъ не безъ боя откажется отъ своей автономіи, и предвидя продолжительную осаду, Лувуа стягивалъ войска въ Эльзасъ и располагалъ ихъ такимъ образомъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, заготовлялъ провіантъ для войска и деньги для оплаты имъ жалованья. Все это дѣлалось съ такою тайной, что даже интендантъ Эльзаса—Лагранжъ ничего объ этомъ не зналъ, и только въ началѣ сентября, секретнымъ путемъ, получилъ изъ Парижа подробныя инструкціи одновременно съ главнокомандующимъ расположенныхъ въ Эльзасѣ войскъ, барономъ Монкларомъ.

Въ ночь съ 27-го на 28-е сентября 1681 года баронъ Асфельдъ съ тремя полками драгунъ занялъ фортъ, охранявшій Страсбургскій мостъ, почти безъ всякаго сопротивленія со стороны ничтожнаго численностью гарнизона. На вопросъ, высланной изъ города депутаціи, онъ отвѣчалъ, что баронъ Монкларъ предписалъ ему занятіе форта въ виду намѣренія императорскаго военачальника переправиться чрезъ рѣку и овладѣть переходомъ, что самъ баронъ Монкларъ не замедлитъ пріѣздомъ и что тогда сенатъ можетъ съ нимъ вести переговоры. 28-го прибылъ Монкларъ и объявилъ имъ требованіе короля присести присягу вѣрности, согласно постановленіямъ верховной палаты, при сохраненіи прежнихъ ихъ привилегій. На слѣдующій день, 29-го сентября, пріѣхалъ и самъ Лувуа, который повторилъ требованіе Монклара и давалъ сенату срокъ до утра обдумать и обсудить предложеніе, угрожая, въ случаѣ отказа, приступить къ осадѣ. Страсбургскія власти, хотя и послали тотчасъ гонцовъ къ императору и въ Регенсбургъ съ извѣщеніемъ о случившемся и съ просьбою о помощи, но сознавали бесплодность этихъ мѣръ и старались убѣдить созванныхъ на совѣщаніе гражданъ въ необходимости покориться обстоятельствамъ.

30-го утромъ подписана была сенатомъ капитуляція и въ 4 часа дня французскія войска вступили въ городъ при полномъ спокойствіи народонаселенія „Il y avait beaucoup de curiosité, un peu d'étonnement,

mais point d'indignation ou de colère visibles", говорит современное донесение. Условія сдачи были не тягостны для Страсбургцевъ: отъ нихъ требовалась присяга вѣрности королю, оставлялись привилегіи, учрежденія, самоуправленіе, разрѣшалась свобода протестантскаго вѣроисповѣданія и культа съ сохраненіемъ всѣхъ протестантскихъ школъ и церквей, за исключеніемъ собора, требовалось для католиковъ возстановленіе тѣхъ правъ, конми они пользовались въ 1624 году.

Патриціи Страсбургскіе, сторонники имперіи и своей автономіи, не находили условія эти чрезмѣрными и легко съ ними примирились; „es verbleibet alles im alten Stand“, записано Рейсейзенемъ ¹⁾ въ дневникѣ на другой день капитуляціи, — „und verhoffe ich wir werden ohne Statt (anstatt) der Libertät wiederumb den Flor der Commerciën, welche gänzlich erliegen bekommen“..... „Gott wandte alles zum Besten“.

4-го октября была принесена требуемая присяга; 23-го октября самъ Лудовикъ XIV съ принцами королевскаго дома и блестящею свитою посѣтилъ Страсбургъ; „Clausus Germanis Gallia“, гласила надпись на вычеканенной по этому случаю медали.

Г. Легрелль весьма убѣдительно доказалъ неосновательность и ложность возникшей еще въ XVII столѣтіи молвы и укореившагося въ литературѣ мнѣнія, особенно благодаря Вольтеру ²⁾, что подкупъ былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ такого легкаго присоединенія Страсбурга; онъ доказалъ, что само французское правительство не старалось противодействовать такой молвѣ, а скорѣе поддерживало ее, полагая этимъ путемъ заглушить неудовольствіе противъ Франціи по ту сторону Рейна.

Дѣйствительно впечатлѣніе, произведенное въ Германіи событіями въ Эльзасѣ, было весьма тяжелое; посланники доносили Лудовику, что при всѣхъ дворахъ, во всѣхъ высшихъ кружкахъ общества только и говорили о Страсбургскомъ дѣлѣ и относились весьма холодно и сдержанно къ представителямъ Франціи. Общественное мнѣніе высказывалось о капитуляціи въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ и брошюръ частью писанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, частью появившихся нѣсколько поздне и носящихъ потому болѣе спокойный характеръ.

Но чтó высказывалось во всѣхъ этихъ протестахъ? Выражалась ли

¹⁾ *Reuss-Reissens Memorial*.

²⁾ *Siècle de Louis XIV: l'or, l'intrigue et la terreur avaient préparé l'entrée de Louvois*. За Вольтеромъ то же повторяетъ и Мартенъ.

въ нихъ затаенная и безпомощная злоба противъ произвола и насилій иностранца; говорило ли въ нихъ чувство оскорбленной національной чести и гордости. какъ стараются обыкновенно въ послѣднее время доказывать нѣмецкіе историки и публицисты?

Г. Легрелль, располагая богатнымъ архивнымъ матеріаломъ, имѣлъ полную возможность разъяснить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніе къ правительственнымъ сферамъ. Основываясь на допесеніяхъ посланниковъ, онъ представляетъ убѣдительныя доказательства тому, что источникомъ всей тревоги и смятенія, произведеннаго при германскихъ дворахъ капитуляціею Страсбурга, былъ у нѣкоторыхъ обманутый расчетъ, но въ большинствѣ случаевъ страхъ и опасеніе, чтобы Лудовикъ не распространилъ свою власть на правый берегъ Рейна и затѣмъ на всю Германію. „Обыватели Кѣльна, открывая по утрамъ ворота домовъ, осматривались вокругъ не заняты ли окрестности французскими войсками“; „во Франкфуртѣ разказывали за достовѣрное, что Вормсъ уже послалъ ключи города Лудовику XIV а въ Шпейерѣ торопились укладкою архива и дѣлъ имперскаго суда, ожидая скорого прибытія Французовъ.... Въ Вѣнѣ опасались преимущественно того, чтобы вся Швабія съ городомъ Ульмомъ во главѣ, не вступила бы къ Франціи въ отношеніе зависимости и чтобы Лудовикъ не попытался бы заставить избрать дофина въ Римскіе короли“. Курфюрстъ Бранденбургскій сожалѣлъ, что онъ упустилъ удобный случай продать дорого свои услуги, и утѣшался надеждою, что Франція не воспрепятствуетъ ему теперь броситься на Померанію. На Франкфуртскомъ конгрессѣ, затѣмъ въ Регенсбургѣ, уполномоченные затягивали переговоры до безконечности, что, понятно, не могло бы имѣть мѣста, если бы національное самосознаніе и патріотизмъ воодушевлялъ и руководилъ ими.

Лудовикъ XIV въ отвѣтъ на всѣ эти опасенія предписывалъ посланникамъ своимъ категорически заявлять повсюду, что онъ никогда не замышлялъ, не замышляетъ и теперь, расширять своихъ владѣній по эту сторону Рейна и что онъ готовъ даже возвратитъ имперіи Фрейбургъ, какъ вознагражденіе за Страсбургъ.

То же чувство страха и опасенія высказывается и въ повременной печати; боятся, чтобы „der Franzos nicht Deutschlands Meister werden sollte“, чтобы „der Franzos allen vicinis Gesetz vorschreiben sich unterstehen werde“, такъ какъ: „contra vim Gallicae mortis non crescit gramen in Germanicis hortis“, потому что разъединенная Германія не въ состояніи будетъ этому воспрепятствовать и тѣмъ менѣе безжизнен-

ный и недѣятельный «Sprechsaal des Deutschen Reichs» (т. е. рейхстагъ) ¹⁾.

Такимъ образомъ окончился продолжительный процессъ медленнаго поглощенія Франціей богатой Рейнской провинціи, отвоеванной ею у имперіи и оспариваемой у нея въ теченіе тридцати лѣтъ— процессъ, заверченный присоединеніемъ Страсбурга, какъ послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи событій.

Трудъ г. Легрелля представляетъ намъ живую и вѣрную картину этого полнаго интереса періода и, по массѣ не изданнаго до сихъ поръ матеріала, займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ; сочиненіе его, безъ сомнѣнія, не мало будетъ способствовать развитію правильнаго взгляда на эту эпоху, искаженнаго и искажаемаго неумѣстнымъ смѣшеніемъ патриотизма съ требованіями строгой исторической критики и объективности.

В. Шауеръ.

Донисторическая археологія Кавказа.

F. Bayern. Contribution à l'archéologie du Caucase. Lyon. 1882.—Его же: Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorische Verhältnisse, въ *Verhandlungen der Anthropol. Gesellschaft zu Berlin*, 1882.—Извѣстія Кавказскаго Общества Исторіи и Археологіи, издаваемые подъ редакціей Д. Бакрадзе и Е. Вейденбаума, I. Тифлисъ 1882.—*E. Chantre.* La nécropole de Koban en Ossétie (Caucase), avec 9 planches, въ *Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme*. Toulouse. 1882.—*Ch. Virchow.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten im Kaukasus. Mit einem Atlas von 11 Tafeln. Berlin 1883.—Д. Самоквасовъ. Могильныя древности Пятигорскаго округа. Варшава. 1882.

Первобытныя древности Кавказа обратили на себя вниманіе лишь въ недавнее время. На V-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисъ, въ сентябрѣ 1881 года, были впервые серьезно затронуты многіе изъ относящихся сюда вопросовъ. Впрочемъ, первыя находки, вызвавшія эти вопросы, были сдѣланы ранѣе, именно Г. Д. Филимоновымъ въ 1877 г., и еще ранѣе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, г. Ф. Байерномъ, которому, вообще, принадлежитъ честь починна въ дѣлѣ изслѣ-

¹⁾ Изъ современной брошюры: Der Strassburgische Staats-Simplicius 1684 см.: Die Strassburger Capitulation von 1681. Strassburg 1882.